

Лекарь Лю смотрел на нарочито серьезное лицо Линь Далана и безмолвствовал. Другие могли не знать, но ему-то было прекрасно известно: этот парень только с виду честный и порядочный, а внутри у него сплошная хитрость и коварство, натуральная лисица.

Тьфу, и вечно же он строит из себя праведника! Лекарь Лю скрежетал зубами, подавляя в себе импульс отвесить Линь Далану хорошую оплеуху. Про себя он вздыхал: «Ох, мой нрав становится всё мягче и мягче. И вовсе не потому, что я не могу его одолеть, а исключительно ради маленького Лили. Ну...»

Цыкнув, лекарь Лю, которому было противно даже лишний раз смотреть на этого типа, нетерпеливо отвернулся и равнодушно произнес:

— Ладно, раз серьезных проблем нет, можете идти. Не забывайте принимать лекарства вовремя и больше отдыхайте. И еще: впредь не позволяйте детям получать травмы.

Сказав это, он развернулся и вернулся к своему столу, чтобы продолжить прием других пациентов.

Линь Далан, понимая, что виноват, потер нос и смущенно проговорил:

— Ну, лекарь Лю, мы тогда пойдем. Берегите себя. Дети, попрощайтесь с лекарем.

Янь Цзю и Вэй Миньюань послушно отозвались:

— До свидания, лекарь Лю.

Янь Цзюли посмотрел на Вэй Миньюаня своими прозрачными, как озерная гладь, глазами, одарил его сладкой улыбкой, а затем медленно наклонился к самому его уху и воодушевленно прошептал:

— А-Юань, поблагодари лекаря Лю. Он ведь совсем не такой, как другие врачи, он для нас как дорогой дедушка!

Сказав это, он озорно подмигнул.

Вэй Миньюань, глядя на миловидные ужимки Янь Цзюли, невольно отвлекся, и сердце его дрогнуло. А-Ли... как он может быть таким очаровательным? Он назвал меня А-Юанем, значит ли это, что я для него особенный? Могу ли я тоже называть его А-Ли? В глубине души он жаждал иметь уникальное, только ему принадлежащее прозвище. Живая мимика и невинная улыбка спутника заставили его погрузиться в глубокие раздумья.

— А-Ли... — тихо пробормотал Вэй Миньюань, пробуя на вкус это имя, которое выделяло его

среди других. Он гадал, не таится ли в нем какой-то особый смысл. Его взгляд был нежным и сосредоточенным, словно он хотел навсегда запечатлеть этого милого юношу в своем сердце.

Вспомнив, как тот ласково назвал его А-Юанем, он почувствовал необъяснимый трепет. Неужели он действительно занимает в его жизни особое место?

Чем больше Вэй Миньюань думал об этом, тем сильнее волновался. Он не удержался и решил прощупать почву. Слегка кашлянув, чтобы привлечь внимание Янь Цзюли, он дождался, пока тот обернется с озадаченным видом, глубоко вздохнул и осторожно спросил:

— А-Ли, можно мне называть тебя так? Я слышал, как другие зовут тебя Лили, но мне хочется называть тебя А-Ли. Мне кажется, тебе очень идет это имя. Можно, да?

Янь Цзюли моргнул, удивленный и немного сбитый с толку. Ему показалось, будто кто-то бесчисленное количество раз шептал это имя у него на ухе. Стало даже немного стыдно, но уже через мгновение он просиял.

— Конечно можно! — радостно ответил он, и в его глазах вспыхнул восторг. Ну вот, он назвал меня А-Ли, мы стали еще ближе, а значит, и до завершения задания осталось совсем немного.

Система, почувствовав замешательство хозяина, тут же добросовестно отозвалась:

— Хозяин, это потому, что твое имя уже высечено в его душе и проникло в самый костный мозг. Что бы ни случилось, даже если он забудет события прошлого, он никогда не забудет тебя. Это зов самой души.

Янь Цзюли почувствовал, как защемило в груди: «Ну какой же он глупый, никого не помнит, а меня помнит».

— Поняла, Система, спасибо тебе.

Система, услышав подтверждение от хозяина, мгновенно почувствовала прилив сил — как будто только что была создана, нет, даже сильнее. Внутри возникло странное, но приятное ощущение. «Эй, а есть ли у меня сердце? Кажется, нет». Система коснулась своей груди, чувствуя невольную утрату. «У меня даже тела нет, я не могу, как Вэй Миньюань, взять хозяина за руку. Я всего лишь маленький магический артефакт, холодный камень, даже если мне придали форму человека».

Янь Цзюли в это время еще не знал, что его Система начала обретать человеческие чувства и из-за этого впала в меланхолию. Он был занят ответом Вэй Миньюаню:

— Конечно, конечно! Мне и самому кажется, что это имя мне подходит. Так что впредь зови меня А-Ли.

Вэй Миньюань взволнованно поднял голову и с надеждой спросил:

— Правда? Действительно можно? Только мне одному позволено так тебя называть?

Янь Цзюли усмехнулся, но утвердительно кивнул:

— Конечно, только тебе. А теперь давай попрощаемся с лекарем Лю и пойдем домой.

Получив разрешение, Вэй Миньюань просиял. Его губы растянулись в едва заметной, почти свирепой улыбке. С этого момента дистанция между ним и Янь Цзюли стала еще короче.

В бесконечные грядущие дни они будут вместе смеяться, играть и наслаждаться обществом друг друга. А то самое имя — А-Ли — станет символом их близости.

— Домой, домой... — бормотал Вэй Миньюань. Никто и никогда не говорил ему таких слов. Он никогда не считал места, где бывал раньше, своим домом. Раньше он думал, что просто лишенный чувств монстр.

Но сейчас Вэй Миньюань понял, что ждал этого приглашения домой слишком долго, словно целую вечность. Оказывается, он вовсе не был лишен чувств — он просто всё это время ждал его.

Вэй Миньюань твердо произнес:

— Да, мы идем домой.

А-Ли, только не бросай меня, умоляю. Иначе я не знаю, на что пойду, но, что бы ни случилось, я никогда не причиню тебе вреда. Я просто запру тебя, чтобы ты видел только меня. Я не хочу этого, поэтому, А-Ли, не бросай меня, я стану таким, каким ты хочешь меня видеть.

Янь Цзюли посмотрел на Вэй Миньюаня, который снова витал в облаках и, казалось, совсем не слушал его. Немного рассердившись, он надул губы:

— А-Юань, ну что такое? Ты вообще слушаешь, что я говорю?

Вэй Миньюань, увидев нахмуренные бровки Янь Цзюли, испугался, что тот рассердился, и поспешил оправдаться:

— Лили, нет, что ты! Я не отвлекался, я слушаю тебя, пожалуйста, не злись... Только не бросай меня, не... не отказывайся от меня...

Вэй Миньюань опустил голову, скрывая тень в глазах, и добавил:

— Лекарь Лю, спасибо, что спасли меня. Я уйду домой вместе с А-Ли.

Вэй Миньюань намеренно выделил слово «домой», словно это была конфета, которую он жевал тысячу раз, но все равно не хотел проглатывать, даже если послевкусие оставалось сладким.

Янь Цзюли, увидев, что у того от волнения покраснели глаза, подумал: «Ого, неужели глаза действительно могут так краснеть? Но почему на лице А-Юаня это выглядит так красиво? Интересно, будет ли он выглядеть еще лучше, если заплачет?»

При этой мысли на лице Янь Цзюли промелькнула едва ли не порочная улыбка. Он еще не знал, что в будущем именно ему самому придется плакать с покрасневшими глазами. Ха-ха, иронично, не правда ли?

Янь Цзюли неловко кашлянул:

— Кхм-кхм... — «О чем это я думаю? Хорошо, что А-Юань не знает, а то потом не успокоишь».

Он вскинул подбородок и с важным видом произнес:

— Ну... ладно. Я великодушно прощаю тебя. Но впредь ты должен слушаться меня во всем!

Вэй Миньюань отчаянно закивал, боясь, что если сделает это слишком поздно, Янь Цзюли передумает. Он и не догадывался, что для Янь Цзюли он — самый важный человек в этом мире, и тот ни за что не стал бы игнорировать его из-за такой ерунды.

Янь Цзюли, глядя на суетливого Вэй Миньюаня, торжествовал: «Ах, как же я обаятелен! Счастье-то какое!»

Он решил больше не томить его ожиданием:

— Ладно, ладно, я всё понял.

Янь Цзюли про себя удивился: в этом мире они же явно видятся впервые! Почему он такой доверчивый? Неужели это «период защиты новичка»? У Янь Цзюли загорелись глаза: «О, мне это нравится, дайте побольше!»

Система 11, наблюдая за их бессмысленным обменом любезностями, недоумевала. Заметив, что хозяин отвлекся, она поспешила вмешаться:

— Хозяин, он...

Но прежде чем Система 11 успела закончить, встревоженный Вэй Миньюань прервал её мысли:

— Я... я... я не хочу ставить под сомнение твои слова, А-Ли, но откуда ты узнал, что в моем имени есть иероглиф Юань?

В тот момент, когда А-Ли назвал его А-Юанем, он был так счастлив, что не придавал этому значения, а теперь это показалось ему странным.

— Э-э... — улыбка Янь Цзюли застыла. «Вот это я оплошал. Не могу же я сказать, что узнал это от Системы».

Пришлось выкручиваться:

— Ха-ха... понимаешь, когда ты был без сознания, я... я испугался, что ты не очнешься, и всё говорил с тобой. Ты сам мне это сказал, ха-ха...

Янь Цзюли запинаясь, и любой здравомыслящий человек сразу понял бы подвох, но Вэй Миньюань, ослепленный чувствами, не заметил ничего подозрительного. Он не только поверил, но и сам придумал оправдание: «Конечно, это я сам сказал А-Ли». Он даже не стал задумываться, говорил ли он это на самом деле.

Система была в ярости. Как он посмел перебить её? Хотя он не слышал её голоса, она всё равно злилась: «Хозяин теперь совсем меня не слушает!»

Лекарь Лю, глядя на вежливого ребенка, остался доволен. Раз уж ему предстоит остаться рядом с Лили, он не должен быть невоспитанным:

— Не стоит благодарности. Это Лили спас тебя, его и благодари. Я лишь выполнил свой врачебный долг.

Вэй Миньюань искренне ответил:

— И всё же я должен поблагодарить вас, вы так много сделали.

Он обернулся к Янь Цзюли:

— И спасибо тебе, А-Ли. Спасибо, что готов забрать меня домой.

Взгляд Вэй Миньюаня был таким пристальным, что Янь Цзюли стало неловко. «Странно, почему мне неловко? Это же просто ребенок, чего тут стесняться?»

Янь Цзюли слегка покраснел и ответил уклончиво:

— Да брось, я просто проходил мимо. Если бы на моем месте был кто-то другой, он бы тоже помог.

Вэй Миньюань, глядя на скромность Янь Цзюли, был вне себя от радости. «Нет, никто, кроме тебя, не стал бы обо мне заботиться».

Линь Далан, наблюдавший за этой сценой, был вполне доволен. «Вот именно так и должно быть: слушаться моего сына и видеть только его».

Заметив, что время позднее, Линь Далан поднялся:

— Ну что ж, лекарь Лю, благодарю за труды. Мы пойдем.

...

Слуга:

— Господин, карета подана.

Линь Далан:

— Хорошо, поехали. Линь Фу, помоги... кхм, кстати, малец, как тебя зовут?

Линь Далан кашлянул, скрывая неловкость. Он был так занят своими мыслями, что до сих пор не спросил имени гостя.

Вэй Миньюань:

— Дядюшка, меня зовут Вэй Миньюань. Можете звать меня просто Миньюань.

Линь Далан был еще больше доволен тем, что мальчик не стал указывать на его неловкость. Но он забыл, что если Вэй Миньюань промолчит, то найдутся и другие, кто не упустит случая съязвить.